

Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг.

Н.Охотин, А.Рогинский, Москва

1.

“Всех немцев на наших военных, полувоенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях всех арестовать”¹.

С этой записки Сталина, приложенной к протоколу заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1937 г. (П51/324), собственно говоря, и начинается “немецкая операция” НКВД.

В автографе поражает гипертрофированная агрессия стиля: на крохотном блокнотном листе, едва вмещающем размашистый почерк вождя, одиннадцать раз встречается буква *X* – большой, бросающийся в глаза, кривой, крестоподобный перевернутый крест. Показательно и то, что Сталин трижды употребляет форму *всех* (единожды – с подчеркиванием): квантор всеобщности, характерный для семинарской риторики генерального секретаря, в контексте записки приобретает откровенно зловеющий, аннигилирующий смысл. Известные нам теперь результаты “немецкой” и других национальных операций НКВД вполне оправдывают эти ожидания.

Текст последующего решения Политбюро Сталин также пишет сам:

“Вопрос НКВД Членам Пб

ОП

Предложить т.Ежову дать немедленно приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах (артиллерийские, снарядные, винтовочно-пулеметные, патронные, пороховые и т.п.), и высылке части арестованных за границу.

Копию приказа прислать в ЦК.

О ходе арестов и количестве арестуемых сообщать сводки (ежедневные) в ЦК. За / И.Сталин>.

Подписи соратников – внизу наискосок:

В.Чубарь, Ежов, В.Молотов, К.Ворошилов, Каганович, А.Микоян»².

Оперативный приказ 00439 был выпущен Ежовым 25 июля 1937 г. и в тот же день разослан телеграммами по всем управлениям НКВД. Текст приказа хорошо известен современным исследователям³, поэтому мы здесь напомним лишь основные его положения.

Преамбула содержала обоснование планирующихся репрессий:

“Агентурными и следственными материалами последнего времени доказано, что германский Генеральный штаб и Гестапо в широких размерах организуют шпионскую и диверсионную работу на важнейших, и в первую очередь оборонных, предприятиях промышленности, используя для этой цели осевшие там кадры германских подданных.

Агентура из числа германских подданных, осуществляя уже сейчас вредительские и диверсионные акты, главное внимание уделяет организации диверсионных действий на период войны и в этих целях подготавливает кадры диверсантов».

Чтобы “полностью пресечь эту деятельность”, нарком приказывал арестовать всех германских граждан, проживающих в СССР, работающих (или работавших ранее) в оборонной промышленности и на железных дорогах. На аресты было

отведено пять дней, начиная с 29 июля. После “особо тщательного” следствия дела должны были быть направлены на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда или Особого совещания при НКВД.

Речь в приказе, однако, не ограничивалась только германскими гражданами:

“Вновь выявляемых в процессе следствия германских агентов-шпионов, диверсантов и террористов, как из числа советских граждан, так и подданных других государств, немедленно арестовывать, независимо от места их работы”.

Одновременно предписывалось произвести срочный учет германских подданных, работающих во всех других отраслях советского хозяйства, а кроме того, бывших германских подданных, принявших советское гражданство, но ранее работавших в оборонной промышленности. На всех них следовало представить в Москву меморандумы с компрометирующими материалами “для решения вопроса об аресте”.

Вдогонку приказу по областям ушли десятки телеграмм с перечислением военных заводов и цехов оборонного значения, где следовало провести аресты.

Если сопоставить записку Сталина, приведенную нами в начале статьи, с текстом решения Политбюро, а также с приказом 00439, легко заметить, что задачи операции в приказе резко сужены – речь в нем идет не о “всех немцах”, а только о “германских подданных”. Кроме того, в приказе по сравнению с запиской сужен также и перечень отраслей промышленности, где следовало произвести аресты. Трудно представить, что такое ограничение явилось следствием внезапного “помягчения” вождя. Причина была, конечно, совершенно иная.

К моменту появления приказа 00439 у Сталина уже вполне сформировался общий план предстоящих чисток. Центральное место в нем рядом с уже начавшейся генеральной чисткой партийно-государственной элиты занимали две массовые операции, призванные, согласно сталинско-ежовской аргументации, уничтожить потенциальную “пятую колонну” в преддверии войны.

Целью первой из них была генеральная “очистка” страны от “бывших людей”, в самом широком значении этого термина, то есть от всех категорий “традиционных” врагов советской власти (в терминологии НКВД – лиц с “компрометирующим социальным и политическим прошлым”): от “недобитых” кулаков, бывших помещиков, царских чиновников, белых офицеров, “церковников”, эсеров, меньшевиков и т. д., а также от уголовников-рецидивистов. Их массовыми арестами и расстрелами НКВД должен был ликвидировать “повстанческую базу” в СССР на случай войны.

Задачей второй операции, раздробленной на операции по отдельным национальным “линиям”, была ликвидация в СССР “шпионско-диверсионной базы” стран “капиталистического окружения”, а объектом репрессий – иностранные колонии и другие сообщества, прямо или косвенно связанные с границей.

В рамках этой второй операции три “линии” по очевидным причинам рассматривались как основные: польская, харбинская (в НКВД ее часто

называли “харбино-японской”) и немецкая. В такой последовательности НКВД и приступил к их реализации.

То, что осуществление массовой операции по немецкой “линии” было на некоторое время отложено, обусловлено, как нам кажется, несколькими обстоятельствами. Во-первых, немецкая операция не была так хорошо подготовлена, как польская или харбинская – и с состоянием учетов (за исключением Украины, а также учета германских граждан), и с предварительно собранными показаниями, необходимыми для определения репрессируемых контингентов, дело здесь обстояло значительно хуже. Во-вторых, сыграл свою роль относительно невысокий статус немцев в СССР, их небольшое, по сравнению, например, с поляками или латышами, представительство на вершинах советской иерархии. Ни о каком “центральном деле” вроде дела ПОВ (“Польской организации войсковой”) здесь речь идти не могла. В-третьих, определенные препятствия политического характера возникали в связи с наличием у советских немцев собственного государственного образования на территории СССР. Имело значение и многое другое, например, то, что репрессии против немцев в предшествующие четыре года носили гораздо более жесткий и масштабный характер, чем против тех же поляков или харбинцев, то есть частично чистка здесь уже была произведена. Учитывался и внешнеполитический фактор. Все это привело к тому, что массовые национальные операции начались с “линий” более ясных и лучше подготовленных.

5 августа начались аресты по приказу 00447 (так называемая “кулацкая операция”), 15 августа – по приказу 00485 (“польская операция”), затем вступает в силу приказ 00486, посвященный женам и детям “врагов народа”, одновременно готовится приказ по харбинцам (00593), который будет издан 20 сентября. По масштабам все эти операции несопоставимы с операцией против германских подданных. Например, к 31 августа по “кулацкой операции” было арестовано уже около 150 тысяч человек и более 30 тысяч из них расстреляно, в польской операции счет жертвам также шел уже на тысячи. При этом интенсивность арестов и расстрелов возрастала здесь с каждой неделей.

Немецкая же “линия” на первом этапе была сведена до наиболее очевидного направления – репрессий против германских граждан по приказу 00439.

Операция началась в ночь на 30 июля. Через неделю, 6 августа, Ежов сообщал Сталину: “Всего по СССР арестовано 340 человек германских подданных. Москва и Московская область – 130 человек, Ленинград и Ленинградская обл. – 45, Украинская ССР – 52, Горьковская обл. – 20, Свердловская – 26, Сталинградская – 12, Азово-Черноморский край – 13, Орджоникидзевский – 18, другие республики и области – 24 человека. В результате следствия уже в настоящее время вскрыто 19 шпионско-диверсионных резидентур на ряде крупнейших промышленных предприятий <...>. По полученным к 5 августа показаниям германских подданных арестовано 43 немецких агента из советских граждан и дополнительно арестовывается 52 человека”⁴.

Записка Ежова фиксирует завершение лишь начального, самого бурного периода арестов. Интенсивность их уже в ближайшие недели заметно снизилась. И хотя в новом докладе Сталину 29 августа Ежов бодро рапортовал о

множестве вскрытых шпионско-диверсионных групп, приводимые им здесь же цифровые итоги операции свидетельствовали о ее постепенном затухании. По данным Ежова, с 29 июля по 28 августа “всего по СССР арестовано 472 германских подданных. Москва и Московская область – 130, Ленинград и Ленинградская область – 79, Украинская ССР – 106, Азово-Черноморский край – 54, Свердловская область – 26, другие области и республики – 77»⁶. Как легко заметить, рост числа арестованных произошел лишь в Ленинграде, на Украине, в Азово-Черноморском крае. В Москве, Свердловской области и практически во всех других регионах он остановился на цифрах начала августа: по-видимому, здесь ресурсы приказа 00439 оказались уже в основном исчерпаны.

Несмотря на это, операция по приказу 00439, рассчитанная, как мы помним, первоначально на пять дней, не была прекращена и теперь. Об этом свидетельствуют разного рода распоряжения, связанные с приказом 00439 (например, требования о присылке отчетности) и рассылаемые из Центра (Центрального аппарата НКВД СССР) в местные НКВД–УНКВД. Однако эти регулярные разъяснения относятся преимущественно к августу – началу сентября 1937 г., затем приказ 00439 в переписке НКВД упоминается все реже. Это и понятно: операции против германских граждан изначально отводилось достаточно частное место в системе политического террора 1937–1938 гг., а к началу осени первоочередная ее задача – “очистка” “номерных” оборонных заводов и цехов – уже была в основном выполнена. Одновременно она явилась прелюдией к иной, гораздо более широкой немецкой операции, развивавшейся по аналогии с другими национальными операциями.

Моделью для всех массовых национальных операций 1937–1938 гг. стала первая из них – польская. Приказ 00485 о начале польской операции уже содержал все те главные установки, которые легли в основание последующих аналогичных приказов по национальным линиям.

Преамбула таких приказов обычно состояла из утверждений об активизации на территории СССР деятельности разведорганов соответствующей страны и перерастании этой деятельности на современном этапе из разведывательной в диверсионно-террористическую и повстанческую. В приказе непременно наличествовал точный перечень репрессируемых контингентов, назывались сферы, подлежащие чистке в первую очередь, определялись сроки проведения операции и формы отчетности по ней. Предписывался и особый (впервые вводимый в практику НКВД) порядок осуждения – “альбомный”: работники управлений НКВД на местах по окончании следствия составляли справки на каждого арестованного с предложением о приговоре (расстрел или заключение в лагерь на 5–10 лет), справки, скомплектованные в специальный список (“альбом”), подписывали, поддерживая или корректируя предложенные меры, начальник УНКВД и местный прокурор, затем альбом направлялся в Москву, где окончательное решение выносили нарком внутренних дел и прокурор СССР (Ежов и Вышинский). Приговоры исполнялись по возвращении альбомов в местные УНКВД.

Развитие немецкой “линии” репрессий в основном укладывается в “польскую модель”: близки контингенты, подлежащие аресту, совпадают время

активизации и продления операций, характер обвинений и способ оформления приговоров, сроки и формы отчетности. Более того, развитие обеих операций с какого-то момента определяется одними и теми же директивами⁷.

Однако для польской “линии” мы с самого начала имеем регламентирующую документацию, которая объясняет основные параметры операции: это и вышеупомянутый приказ НКВД 00485, это и прилагаемое к приказу директивное письмо, ориентирующее исполнителей в истории борьбы с польским шпионажем, это, наконец, и значительное число уточнений, дополнений, частных и общих указаний по разным поводам, изданных в процессе проведения операции.

Регламентирующая база немецкой операции несравнимо менее подробна, особенно на начальных этапах. По существу, кроме приказа 00439, не самым прямым образом связанного с последующей массовой операцией, мы здесь не имеем ничего. Прежде всего у нас нет приказа о начале немецкой операции. По-видимому, его и не было вовсе – случай для 1937–1938 гг. не единичный. И поэтому, несмотря на все сходство между немецкой и польской национальными “линиями” репрессий, у нас все же остается целый ряд вопросов, касающихся специфики немецкой операции. Ответить на них помогают некоторые документы более раннего времени.

В этом смысле для нас особенно важны два директивных письма, изданных ГУГБ НКВД в начале 1937 г. Первое из них (12 от 14.02.1937) “О террористической, диверсионной и шпионской деятельности немецких троцкистов, проводимой по заданиям гестапо на территории Союза ССР” оказало значительное влияние на характер последующих репрессий против политэмигрантов из Германии. Во втором директивном письме (26 от 2 апреля 1937 г.) “О возрастающей активности германских разведывательных органов и специальных учреждений фашистской партии (иностранный и внешнеполитический отделы ”Антикоминтерн», разведывательная служба охранных отрядов и так далее) на территории Союза ССР» и в приложенной к нему многостраничной “Ориентировке о деятельности германских фашистов в СССР”, созданным по следам только что прошедшего февральско-мартовского Пленума ЦК, уже явственно просматриваются контуры грядущей немецкой операции:

“Материалы по делам, ликвидированным во второй половине 1936 г., свидетельствуют о том, что значительно усилилась деятельность германских фашистов, типичная для предвоенного периода. Конкретная деятельность германских разведывательных органов на нашей территории развивается в следующих основных направлениях:

- 1. Организация террористических групп и создание кадров террористов-одиночек из среды граждан СССР для организации центральных террористических актов.*
- 2. Создание диверсионных ячеек на всех сколько-нибудь значительных оборонных предприятиях с таким расчетом, чтобы к моменту войны развернуть разрушительную работу на основных предприятиях оборонного значения. Осуществление ряда диверсионных актов уже в настоящее время.*

3. Организация совместной подрывной работы с антисоветским троцкистским подпольем внутри Советского Союза.

4. Создание в среде немецкого населения действенных повстанческих баз в тылу, подготовка к организации вооруженных выступлений к моменту войны.

5. Проникновение в ряды Красной Армии для создания в воинских частях террористических и диверсионных формирований.

<...>

Практика показала, что все эти формы враждебной работы в действительности не отделены друг от друга, а, наоборот, переплетаются самым тесным образом. Большинство ликвидированных немецких диверсионных резидентур и организаций занималось параллельно организацией террористической работы, все проводили разведывательную работу, а в районах, где имеются сколько-нибудь значительные группы немецкого населения, одновременно готовили повстанческие кадры. Немецкие террористы, диверсанты, шпионы и организаторы массовой фашистской работы выступают почти повсеместно в одном лице»⁸.

Думается, что апрельское директивное письмо сыграло немалую роль в подготовке “большого террора”, в особенности немецкой операции. Определив общеполитическую ситуацию как “предвоенный период” (этот фактор станет через несколько месяцев стратегическим при проведении массовых репрессий), оно, как мы могли убедиться, кроме того, перечислило набор и характер возможных обвинений и указало сферы, на которые следовало обратить особое внимание. Прямое отношение к будущей немецкой операции имело и предписание “создать точный оперативный учет всех контингентов, используемых германской разведкой (политэмигрантов, германско-подданных, бывших германско-подданных, принявших гражданство СССР, и др.)”⁹. Также предшествовало целой серии будущих репрессивных решений требование установить тотальный контроль за германскими дипломатическими представительствами и всеми лицами, с которыми были связаны их сотрудники: “Усилить всеми мерами внутреннее и наружное наблюдение, разработку связей работников германских дипломатических учреждений, фиксируя как все встречи сотрудников этих учреждений в городе, так и посещения консульств. Всех установленных таким путем систематически разрабатывать, имея в виду, что каждое из установленных таким образом лиц может являться проводником и организатором подрывной работы германских фашистов на нашей территории”¹⁰.

Не менее значимую для дальнейших массовых репрессий картину дает анализ Ориентировки. Если суммировать наблюдения и выводы авторов этого документа о концентрации усилий германских агентов в области шпионажа, террора, диверсий и повстанческой работы, становится очевидно, что под прицел НКВД попадают прежде всего крупные промышленные районы и/или места компактного проживания немцев

на Украине (Донбасс, Краматорск, Запорожье, Днепропетровск, Житомир, Одесса, Харьков),

в Москве и в Ленинграде,

в Западно-Сибирском крае и прилегающих районах Казахстана,

в Саратовской области,
в Азово-Черноморском крае,
в Крыму.

При этом только на Украине, в Москве и Ленинграде устанавливается наличие крупных террористических шпионских и диверсионных организаций. В остальных отмеченных регионах на первый план выступает антисоветская и повстанческая деятельность немцев. Ориентировка – текст не директивный, а констатирующий, но заострение чекистского внимания на тех или иных явлениях, группах и регионах достаточно симптоматично и провокативно. Через несколько месяцев именно они станут определяющими в развитии репрессий против немцев в СССР.

Переход от локальных арестов германских подданных на военных заводах и учетно-агентурной работы по всем немецким контингентам к массовой репрессивной операции “альбомного” типа не мог произойти без мощного системообразующего воздействия “польского” приказа, изданного 11 августа. Установки польского приказа и, в еще большей степени, практика его реализации определили, как уже говорилось выше, основные формы и масштабы репрессий, направленных на все те национальные контингенты, которые осознавались как “база иностранных разведок”. Распространение “польских” стереотипов на другие национальные группы часто происходило автоматически, а соответствующее распоряжение Центра санкционировало в таких случаях уже сложившуюся практику на местах. Так, например, произошло с румынской операцией, которая самостийно началась на Украине в августе 1937 г., с финнами, “чистить” которых начали самостоятельно в Ленинградской области и в Карелии в сентябре–октябре 1937 г. Для обоснования операций против этих национальных контингентов так и не было издано специальных директив (в отличие, скажем, от латышской, греческой и афганской “линий”): с какого-то момента они просто включались в общие директивы по продлению и активизации операций, в указания по отчетности и т.п.¹¹

По всей вероятности, и с немецкой операцией произошло нечто подобное.

Впервые упоминание о ней встречается в телеграмме Ежова, разосланной 3 ноября 1937 г. всем наркомам внутренних дел союзных республик и начальникам УНВД:

“Проводимые сейчас операции антисоветским элементам, немцам, полякам, харбинцам, женам изменников родины ряде областей идут крайне медленными темпами. <...> Приказываю: 1. Форсировать проведение операций антисоветским элементам, немцам, полякам, харбинцам, женам изменников родины. 2. Срок окончания всех этих операций установить 10 декабря 1937 года. К этому сроку провести все аресты, закончить следствие и рассмотреть все следственные дела”.

Нет сомнений, что здесь речь идет именно о немецкой операции, а не об очередном этапе реализации приказа 00439. Но из контекста также очевидно, что 3 ноября операция уже продолжается. Когда же и где она началась?

На тот и другой вопросы помогают ответить материалы статистических сводок ГУГБ НКВД. Самые ранние (из известных нам) цифры по немецкой “линии”

относятся к 16 ноября 1937 г. – 2536 осужденных в “альбомном порядке” по всей стране. Однако эти данные не содержат распределения по регионам. Оно впервые появляется через месяц. На 15 декабря осуждено уже 5805 человек, из них 85% (4921 человек) – на Украине, еще 11% – в Москве и Ленинграде, при этом две трети репрессированных в УССР приходится на три области – Донецкую (1904 человек), Днепропетровскую (775), и Житомирскую (601)¹². Таким образом, можно с уверенностью предположить, что операция началась на Украине, скорее всего, уже в сентябре, а также – несколько позже – в двух крупнейших городах Союза, то есть именно в тех регионах, на которые указывала цитированная выше апрельская директива НКВД. С ноября же операция постепенно начинает распространяться и на многие другие территории СССР. Если 15 декабря суммарная доля осужденных Украины, Москвы и Ленинграда составляла 95,6% от всех осужденных в “альбомном порядке” по немецкой операции, то в процессе развития операции она постоянно уменьшалась: 10 января 1938 г. – 88%, 1 апреля – 68%, 21 мая – 61,6%, 15 сентября – 51,3%, наконец, 15 ноября 1938 г. – 46,1%.

Развертывание с ноября 1937 г. широкой немецкой операции неминуемо должно было еще больше ограничить сферу действия приказа 00439. Подавляющую часть арестованных советских граждан, причисленных к “связям”, “германских агентов, шпионов, диверсантов и террористов”, местные НКВД–УНКВД теперь могли осуждать в “альбомном порядке”, не утруждая себя ни созданием видимости “тщательного следствия”, ни оформлением целого ряда процессуальных документов, необходимых для направления следственного дела, например, в Военную коллегия. Сыграв свою иницирующую роль, приказ 00439 с данного момента как бы вливается в эту, по существу, новую операцию, становится одной из составляющих ее “линий”, а ссылки на него, изредка появляющиеся в переписке НКВД (в основном в отчетности), в новом контексте нередко служат условным обозначением немецкой операции в целом.

2.

Учитывая масштабы, которые приобрела немецкая операция с конца 1937 г., можно было бы пренебречь рассказом о продолжающихся по приказу 00439 репрессиях против немцев-иностранцев. Однако анализ этой, казалось бы, слабой “линии” выводит нас на особое – “иностранное” – направление работы НКВД. Без обсуждения этой темы картина “большого террора” будет заведомо неполной.

Ни один директивный документ ЦК или НКВД, посвященный иностранцам (как категории), не обходился без упоминания о немцах. Более того, появление этих директив зачастую было связано с акциями против именно германских подданных. Однако в окончательных текстах решений всегда возникал целый перечень стран. Это и естественно. Хотя Германия была страной “главного противника”, но “противниками” считались также и многие другие страны: почти все страны, окружавшие СССР (в первую очередь Польша и Япония), затем их союзники, затем страны, на территории которых располагались “антисоветские центры”, и т.д. – перечень мог быть коротким или длинным, в зависимости от назначения документа. И все без исключения подданные (граждане) этих стран, по разным причинам находившиеся на территории

СССР, по логике НКВД 1937–1938 гг. являлись “подозрительными по шпионажу”.

Репрессии против иностранцев развивались в нескольких направлениях.

Первым – и основным – было **административное “выдавливание” иностранцев из СССР.**

Целенаправленное “выдавливание” началось еще в марте 1937 г., когда по письму Ежова, утверждавшего, что “иностранные разведки, преимущественно германская разведка, используют [*sic!* – Н.О., А.Р.] для шпионажа и диверсии представителей германских фирм и специалистов иноподданных, работающих на предприятиях и в учреждениях Западно-Сибирского края”, Политбюро вынесло решение: *“Отказать проживающим в Западно-Сибирском крае иностранцам (при продлении вида на жительство) в праве дальнейшего проживания в Западно-Сибирском крае. В первую очередь провести это мероприятие по отношению к германским, японским и польским подданным”*¹³.

Прошло меньше месяца, и в директивном письме 26 та же задача была поставлена как стратегическая уже перед всеми местными НКВД–УНКВД:

*“Осуществить в течение полугода оперативные и профилактические мероприятия, направленные к удалению из пределов СССР всех германских подданных и всех иностранных подданных, в той или иной мере подозрительных по шпионажу и контрреволюционной работе. В число германских подданных, подлежащих удалению из пределов СССР и в необходимых случаях – арестам и высылкам, включить всех числящихся на милицейском учете германско-подданных, кроме политических эмигрантов, в отношении которых подготовительная работа проведена и соответствующие мероприятия будут осуществлены особо. Указания по этому вопросу будут даны в специальном документе”*¹⁴.

Здесь следует обратить внимание на то, что речь идет о всех без исключения германских подданных. Это ясно из указания использовать “милицейский учет”, который есть не что иное, как учет Отдела виз и регистраций. При этом для “удаления” немцев, в отличие от других иностранцев, не требовалось никаких компрометирующих материалов – основанием являлось только германское гражданство. В этом смысле указание выглядит фантастическим для страны, формально не находящейся с Германией в состоянии войны, – ничего подобного в практике даже 1937–1938 гг. мы не встречали. Однако не случайно и то, что исполнение его отложили до получения специального циркуляра, который, по-видимому, должен был детально прописать механизм операции. Насколько мы понимаем, этот документ в ближайшие месяцы так и не был издан. Поэтому “выдавливание” иностранцев, осуществляемое путем отказа в продлении видов на жительство весной–летом 1937 г., конечно, происходило, но не слишком активно, и преимущественно оно касалось приграничных или режимных местностей. Начавшаяся в августе 1937 г. эпоха массовых операций сразу же вывела проблему иностранцев на самый передний план, и уже к концу месяца был выработан лаконичный и емкий циркуляр НКВД (“Об иностранцах”, 68 от 22.08), жестко определивший практику обращения с иноподданными самой разной государственной принадлежности:

“Установлено, что подавляющее большинство иностранцев, живущих в СССР, является организующим началом шпионажа и диверсии.

Основным способом борьбы с преступной деятельностью иностранцев, понятно, является агентурно-следственная работа НКВД.

Однако серьезным орудием в наших руках является возможность административными мерами значительно ослабить действие этого шпионско-диверсионного очага.

Предлагаю:

1. Впредь, путем отказа в продлении видов на жительство после истечения срока их действия, выдавать иностранцам выездные визы.

2. В первую очередь прекратить продление видов на жительство иностранно-подданным Германии, Польши, Японии, Италии, Австрии, Аргентины, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Голландии, Дании, Кубы, Латвии, Литвы, Маньчжоу-Го, Мексики, Румынии, Финляндии, Швейцарии, Эстонии, Югославии.

3. Что касается англичан, французов, американцев, испанцев, турок, чехословаков, иранцев, афганцев, китайцев, греков, то при наличии компрометирующих данных также отказывать в продлении видов на жительство после истечения срока и выдавать выездные визы.

4. Порядок ареста и привлечения к ответственности иностранцев остается прежний.

5. Начальникам УНКВД обязать 3-и отделы УГБ иметь наблюдение за работой отделов виз и регистраций милиции в этой части.

6. О ходе выполнения настоящего распоряжения, количество выехавших иностранцев – доносить ежемесячно по состоянию на 1-е число каждого месяца»¹⁵.

Мы не имеем здесь возможности анализировать этот документ – ни его установки, ни практику его реализации. До конца массовых репрессий он оставался основным руководством для действий по отношению к иностранцам (за исключением подлежащих аресту по оперативным приказам). Отметим: циркуляр “Об иностранцах” подтверждает предположение, что конкретные направления и последовательность национальных операций не были заранее спланированы (кроме трех основных “линий”), а формировались в процессе развития репрессий. Если бы дело обстояло иначе, то, например, иранцы или афганцы скорее всего попали бы в первую, более “опасную” группу (операции по ним развернутся только в феврале 1938 г.), и наоборот, – некоторые из стран были бы перенесены из первой группы во вторую. Для нас же в этом циркуляре особенно важен его постулат – определив иностранцев как единую “враждебную” категорию, он, мы полагаем, оказал сильнейшее воздействие на весь ход “большого террора”.

Вторым направлением репрессий против иностранцев, также ориентированным на ослабление иностранного присутствия в стране, стала деятельность НКВД по фактической **изоляции иностранных дипломатических представительств в СССР**. Указания о “глубокой разработке” сотрудников посольств и консульств, о выявлении и “разработке” всех их знакомых были даны, как мы видели, еще весной 1937 г. Массированные же (в отличие от предыдущих “точечных”) аресты “консульских связей” (так на языке НКВД обозначались люди,

контактировавшие с иностранными дипломатами) начались сразу после издания в середине августа “польского” приказа. При этом характерно, что напрямую эта категория в приказе 00485 не упоминалась – аресты “консульских связей” были предопределены более ранними директивами, и в первые месяцы массовых операций руководителями местных органов НКВД они были предприняты без всяких дополнительных указаний, как сами собой разумеющиеся. Специальный приказ 00698, являвшийся в какой-то степени ответом на эту “инициативу снизу”, вышел лишь 28 октября 1937 г.

Приказ касался представительств не всех стран, а лишь четырех – Германии, Японии, Италии и Польши. За посольствами, миссиями, консульствами этих стран, за квартирами и общежитиями их сотрудников, за театрами, клубами, ресторанами, за частными квартирами, которые эти сотрудники посещали, следовало установить “бесперывное наблюдение”. Одновременно предписывалось:

“2. Тщательно организованным агентурным и наружным наблюдением выявить и применением широких репрессий пресечь все связи посольств и консульств этих стран с советскими гражданами, подвергая немедленному аресту всех советских граждан, связанных с личным составом этих диппредставительств и посещающих их служебные и домашние помещения.

3. Из иностранно-подданных аресту подвергать тех лиц, характер связи которых с диппредставительствами этих стран подозрителен по шпионской и к-р деятельности.

На арест ино-подданных испрашивать санкцию НКВД СССР.

4. Следствием по делам репрессированных за связь с диппредставительствами лиц вскрывать их к-р, шпионскую, диверсионную, террористическую деятельность»¹⁶.

Этот приказ не только привел к многочисленным арестам (в основном советских граждан), но и сделал практически невозможной дальнейшую работу в СССР многих иностранных учреждений. Число иностранных дипломатических представительств под нажимом НКВД быстро сокращается. Так, к середине ноября 1937 г. из семи германских консульств осталось только два (в Киеве и Новосибирске), а к маю 1938 г. закрылись и эти последние¹⁷. Резко сократилось число консульств и других стран.

И, наконец, **аресты иностранцев**, в частности германских граждан. Из множества аспектов этой проблемы коснемся только трех, напрямую связанных с репрессиями 1937–1938 гг.

Первое. Вопрос о согласовании арестов. Порядок здесь был определен еще в 1934 г., вскоре после образования НКВД, и подтвержден в январе 1936 г. На каждый арест или даже обыск иностранного подданного необходимо было получить санкцию наркома или замнаркома внутренних дел. На этом же уровне определялось и направление дела по подсудности – в суд, трибунал или Военную коллегия. Если же предполагалась высылка обвиняемого за границу по решению Особого совещания при НКВД, то в таких случаях рекомендовалось обходиться без ареста.

“Большой террор” отменил эти нормы. Уже в приказе 00439 ничего не говорилось о согласовании с Москвой арестов германских подданных.

Требовалось только прислать списки на аресты, но их даже не нужно было сопровождать “компрометирующими материалами”. Это, конечно, не случайно. Приказ 00439 открыл эпоху массовых операций. Основная их особенность именно в том и состояла, что причиной репрессии здесь были не какие-то деяния (подлинные или вымышленные), не наличие “компроматериалов”, а, в первую очередь, принадлежность к определенной категории населения. Той самой, по поводу которой было принято репрессивное решение.

Приказ 00439 предполагал сочетание даже двух категорий – определенного гражданства (германского) и причастности к работе в определенной производственной сфере (оборонная промышленность или транспорт). Это сочетание автоматически предопределяло арест. Согласование ареста с Москвой, таким образом, противоречило самой логике приказа. Тем более не требовалось получать санкции Центра на аресты иностранцев в “альбомных” операциях по национальным “линиям”. В Москву, как правило, с мест посылались лишь списки уже арестованных, но и это делалось нерегулярно и довольно бессистемно. Судя по документам, в период массовых операций на согласовании арестов иностранцев Центр настаивал только в тех случаях, когда репрессии могли затронуть иностранных дипломатов.

Изменилась с лета 1937 г. и практика высылки иностранцев за границу. Теперь почти всегда им предшествовал арест. И только 23 октября 1938 г., за три недели до отмены массовых операций, специальный циркуляр 206 за подписью Берия (тогда еще заместителя наркома) вновь вернул старый порядок согласований. При этом, как бы отметая даже мысль о “списках”, новый циркуляр особо подчеркивал, что санкцию на арест иностранцев надо получать “в каждом отдельном случае”. Правда, теперь, в отличие от предписаний 1934–1936 гг., не требовалось санкций наркома на обыски у иностранцев (то есть речь шла о “восстановлении законности”, а не о возвращении к ягодинскому “либерализму”).

Второе. Вопрос о масштабах арестов германских граждан. По данным Отдела виз и регистраций Главного управления милиции, всего в СССР на начало 1937 г. проживало 98 840 иностранных подданных, из них около 80% – иранские, греческие и китайские. Германских граждан среди них числилось 4015. Если верить статистическим сводкам ГУГБ НКВД, то с июля 1937 г. по декабрь 1938 г. арестовано было 608 граждан Германии. Цифра эта заведомо неполна вследствие того, что некоторые местные органы НКВД не предоставляли сведения вовремя, но мы предполагаем, что неполнота не превышает 10–15%. Таким образом, за полтора года было арестовано примерно 660–700 германских граждан. Сложнее определить число арестованных за первую половину 1937 г. Всего иностранцев за эти шесть месяцев было арестовано, по тем же сводкам НКВД, – 309. По многим обстоятельствам мы предполагаем, что граждан Германии среди них – 30–40%. В итоге получается, что в СССР в 1937–1938 гг. было арестовано 750–820 германских граждан. Насколько мы понимаем, эта цифра более или менее коррелируется с данными посольства Германии. Скорее всего сюда входят в основном германские служащие и рабочие в промышленности и на транспорте, арестованные по приказу 00439, а также германские граждане, арестованные по

отдельным делам, вне рамок оперативных приказов, и, возможно, очень небольшое число германских граждан, арестованных в рамках “альбомной” немецкой операции. По-видимому, данные об арестованных политэмигрантах, не состоявших на момент ареста формально в советском гражданстве, в сводках НКВД об арестах в графу “подданные Германии”, как правило, не включались. По большей части их, как и некоторые другие “спорные” категории, зачисляли в “лиц без гражданства” или в “прочих”¹⁸. Отчетливо отсутствует здесь и еще одна категория – арестованные и осужденные “тройками” по приказу 00447 – однако нам представляется, что репрессий германских граждан в рамках этой операции практически не было, и единичные исключения, которые могут открыться, вряд ли всерьез изменят конечные цифры.

На первый взгляд названное нами число арестованных выглядит на фоне общих цифр репрессий 1937–1938 гг. сравнительно небольшим, нам же, наоборот, оно представляется весьма значительным – ведь это примерно пятая часть всей численности германских граждан в СССР.

Третье. Вопрос о приговорах. К сожалению, статистика НКВД не выделяет из общей массы приговоров данные о приговорах иностранным гражданам, в том числе и германским. Поэтому на ее основании невозможно точно сказать, сколько из арестованных в 1937–1938 гг. было выслано по решению Особого совещания в Германию, сколько отправлено в лагеря, сколько расстреляно. Впрочем, на последний из вопросов некоторый свет проливает письмо заместителя Литвинова по НКВД В.П.Потемкина от 21 февраля 1938 г., адресованное председателю СНК Молотову:

“По Вашему запросу от 20 сего февраля М-778 о возможности применения высшей меры наказания к германским гражданам Винтеру и Балтесу, осужденным к расстрелу Военным трибуналом Уральского округа, мнение НКВД сводится к следующему:

Учитывая, что до сих пор не было случая применения высшей меры наказания к германским гражданам, приговоренным к расстрелу нашими судами, и в предупреждение ответных репрессий в отношении наших собственных граждан, проживающих в Германии, НКВД полагал бы возможным заменить Винтеру и Балтесу высшую меру наказания 20-летним заключением»¹⁹.

Даже если представить, что Потемкин не вполне в курсе дела (это совершенно допустимо, учитывая натянутые отношения между НКВД и НКВД), симптоматичен сам запрос Молотова, демонстрирующий его весьма внимательное отношение к проблеме. В этом просматривается, конечно, рефлекс более ранней эпохи, когда “утряска” участи арестованных по дипломатическим советско-германским каналам была обычной практикой, однако знаменательно, что он не исчез и в атмосфере “большого террора”. Внимание НКВД заставляло местные органы подходить к осуждению германских граждан с определенной осмотрительностью.

Расстрелы германских граждан (за исключением расстрелов политэмигрантов) в ходе репрессий 1937–1938 гг., на наш взгляд, не могли носить сколько-нибудь систематического характера. Основная часть арестованных германских граждан после следствия (разной степени продолжительности и тяжести) была выслана в Германию. Практика приговоров к высылке за границу, сильно ограниченная в

начале 1937 г., уже осенью была восстановлена. Судя по данным немецкого посольства в Москве, с ноября 1937 г. по декабрь 1938 г. в Германию было выслано 593 арестованных, а всего за 1937–1938 гг. в Германию выслали около 620 человек²⁰. Это треть всех приговоренных за два года Особым совещанием при НКВД СССР к высылке за границу. Сама по себе доля немцев в общем объеме высылки иностранцев мало о чем свидетельствует, но если сопоставить число высланных с числом арестованных германских граждан, становится ясно, что выслано было подавляющее большинство арестованных. И это еще одна отличительная особенность немецкой операции. Объясняется она, как и осторожность в применении расстрелов, конечно, исключительно внешнеполитическими соображениями.

Однако известное обещание Ежова выпустить за границу всех арестованных германских граждан, переданное осенью 1937 г. послу Германии Шуленбургу через Потемкина, все же не было выполнено. Простая арифметика подсказывает нам, что по крайней мере 200 человек из арестованных высланы не были. Они должны были оказаться в тюрьмах и лагерях, кто-то из них мог стать жертвой жестокого следствия или расстрельного приговора. Эта цифра не противоречит и другой, названной Берией в октябре 1939 г., – по его уверениям, в заключении на тот момент находилось 484 германских подданных. Значительное расхождение с указанной нами выше цифрой имеет вполне определенное объяснение – теперь германскими подданными считали также и австрийцев. Впрочем, абсолютная точность в такого рода подсчетах, видимо, невозможна – и из-за структуры источников, напрямую не отражающих все интересующие нас параметры репрессий, и из-за неопределенности статуса большей части такой существенной для понимания объемов репрессий группы, как политэмигранты.

3.

Все ранее сказанное относится к репрессиям против германских граждан, то есть к той “линии”, которая влилась в немецкую операцию осенью 1937 г., но ни в коей мере не была для этой операции определяющей. Массовая немецкая операция была посвящена в первую очередь гражданам советским, в основном этническим немцам.

Хотя специальный приказ по немецкой “линии” так и не был никогда издан Ежовым, но содержание и смысл операции были очевидны всем его подчиненным. Основной ее задачей, как она понималась местными руководителями НКВД–УНКВД, то есть теми, кто эту операцию непосредственно проводил, была ликвидация “очагов” и “базы” шпионско-диверсионной и повстанческой деятельности германской разведки в СССР. Задача эта легко вычитывалась из решений февральско-мартовского Пленума, из речи Ежова на июльском совещании руководящего состава НКВД, из “польского” и “харбинского” приказов. Ясен был им и основной набор обвинений, которые следовало предъявлять арестованным: соответствующее “меню” было предоставлено уже в апрельском директивном письме 26, в августе к нему добавились еще некоторые типы обвинений, предложенные специальным письмом, сопровождавшим приказ 00485. Очевидны были и регионы, где на немецкую операцию следовало обратить особое внимание, – приграничные и режимные зоны, промышленные центры и места компактного

проживания немецкого населения, в особенности немецкие национальные районы. Был налажен и не вызывал вопросов механизм осуждения (“альбомный порядок”) – в первые месяцы массовых национальных операций он казался достаточно эффективным. Определялись указаниями из Центра сроки операции и формы отчетности, то есть и здесь все было очевидно. Однако базовым условием всякой операции был точный перечень категорий, подлежащих репрессированию. Из-за отсутствия специального приказа такого перечня по немецкой “линии” в распоряжении органов НКВД не было.

Впервые указание на перечень “немецких контингентов” появляется в директивных документах НКВД лишь 1 февраля 1938 г. Этим днем датировано разосланное по телеграфу Ежовым во все НКВД–УНКВД распоряжение 233, изданное во исполнение принятого накануне решения Политбюро.

Распоряжение продлевало срок уже ведущихся национальных операций до 15 апреля 1938 г., открывало новые, как сказано в тексте – “аналогичные”, операции – финскую, эстонскую, румынскую, китайскую, болгарскую и македонскую, а также предписывало “подвергнуть аресту всех подозреваемых в шпионской, диверсионной и иной антисоветской деятельности немцев, состоящих в советском гражданстве, применительно категориям, перечисленным моем приказе 00485»²¹.

Телеграмма Ежова от 1 февраля – типичный образчик тех директив 1937–1938 гг., в которых задним числом санкционировалось уже давно реализуемое направление репрессий. Это касалось и нескольких из якобы новых национальных “линий”, и контингентов немецкой массовой операции, которая велась уже несколько месяцев и по которой к февралю 1938 г. было осуждено около 16 тысяч, а арестовано около 40 тысяч человек.

Естественно, что и без всякого специального указания Ежова (то есть до 1 февраля 1938 г.) те местные органы НКВД, которые вели немецкую операцию, ориентировались при определении контингентов прежде всего на приказ 00485. Поэтому напомним основные репресслируемые категории, которые были в нем перечислены:

все оставшиеся в СССР бывшие военнопленные польской армии, перебежчики из Польши независимо от времени перехода в СССР, политэмигранты и политобмененные из Польши, бывшие члены Польской социалистической партии и других польских политических партий, наиболее активная часть местных антисоветских и националистических элементов польских районов.

Изучая историю реализации “польского” приказа, мы имели возможность убедиться, что перечисленными в нем категориями аресты не ограничились – довольно быстро реестр “репресслируемых контингентов” расширился. Источники такого расширения были двоякие: иногда новую категорию указывал в очередной директиве Центр, но гораздо чаще это решали на местах сами начальники управлений НКВД, исходившие при этом из специфики своих регионов. Конечно, любое нововведение такого рода следовало согласовывать с Москвой, но делалось это, как мы понимаем, не всегда, кроме того, для областных управлений Украины или Казахстана было достаточно санкции

своих наркомов. В результате в целом ряде регионов возникали дополнительные, впрямую не предусмотренные центральными приказами репресслируемые контингенты. Яркий пример – трансформация приказа 00485 в Харькове. Здесь заместитель начальника УНКВД Л.Рейхман (исполнявший в этот момент обязанности недавно арестованного начальника) издал уже 19 августа в дополнение к “польскому” приказу свой собственный, в котором репресслируемых категорий было намного больше, чем в московском. Среди новаций:

бывшие разведупровцы и агенты ИНО <иностраный отдел НКВД> по Польше, поляки-старослужащие сахарных заводов и других предприятий, бывшие контрабандисты и лица, осужденные в прошлом по шпионским делам и как участники контрреволюционных националистических организаций, клерикально-националистический элемент, выходцы из Польши и погранполосы, в отношении коих имеются компрометирующие материалы, посетители польских консульств, лица, имеющие родственные и другие связи в Польше, в отношении которых имеются компрометирующие материалы, агентура по полякам и другим объектам (поляки и выходцы из Польши), подозрительная по дезинформации и двойничеству или не оправдавшая себя на работе²².

Насколько можно понять из документов, харьковское расширение “польского” приказа – скорее типичный случай, чем исключение. Заметим при этом, что новые категории в целом вполне соответствуют духу приказа 00485, некоторые из них впоследствии, как мы знаем, даже были включены в общую стратегию национальных операций дополнительными указаниями Центра.

То же, что и с польской “линией”, по всей вероятности, происходило и с немецкой. С одной, но существенной разницей: из-за отсутствия специального приказа у начальников местных УНКВД при определении репресслируемых немецких контингентов возможностей для проявления инициативы было куда больше – контингенты “польского” приказа служили для них лишь отправной точкой, не более чем моделью.

Можно с уверенностью предположить, что массовая немецкая операция началась с арестов тех же самых категорий:

**бывших германских военнопленных,
политэмигрантов,
перебежчиков из Германии,
“контрреволюционного актива” немецких национальных районов.**

Но затем, по общей логике развития национальных операций, перечень этот непременно должен был расшириться.

Мы, конечно, не в состоянии перечислить все дополнительные категории граждан, репресслированных по немецкой операции в разных регионах СССР, – это возможно сделать только на базе местных архивов. Назовем лишь основные, которые, судя по документам, репресслировались не в одном, а, по крайней мере, в нескольких, иногда даже и в большинстве регионов.

Бывшие германские подданные, работающие или работавшие ранее в оборонной промышленности и на транспорте. Это были немецкие инженеры и рабочие, приехавшие в СССР в конце 1920-х– начале 1930-х гг. и затем принявшие советское гражданство. Все они, как указывалось выше, подлежали специальному учету еще по приказу 00439, но массовые аресты их начались только в рамках “альбомной” немецкой операции. Очень быстро репрессии перекинулись и на других бывших граждан Германии, никак не связанных по работе с оборонно-стратегическими отраслями советского хозяйства. Мы не располагаем по этому вопросу никакими специальными статистическими данными, однако убеждены, что бывшие германские граждане относятся к одной из наиболее пострадавших в ходе репрессий 1937-1938 гг. категорий населения.

“Консульские связи” – все, кто поддерживал прямые или косвенные контакты с немецкими дипломатами в СССР (за исключением, конечно, “специально проверенных” лиц). Этой категории, как мы помним, был посвящен приказ 00698 от 22 октября 1937 г., однако способа осуждения он не оговаривал. Поэтому в течение нескольких месяцев в одних регионах после “тщательного следствия” дела направляли в Военную коллегия, трибуналы или Особое совещание, в других – проводили следствие в “упрощенном порядке”, а осуждение через “альбомы”. Ясность внесла директива от 1 февраля 1938 г., где “консульские связи” были упомянуты наравне с другими “базовыми” контингентами национальных операций:

“При проведении операций обратить внимание на выявление и изъятие всех перебежчиков, независимо от страны и времени прибытия в СССР, а также политэмигрантов и всех связанных с иностранными миссиями, посольствами, консульствами, концессиями и иными иностранными учреждениями”²³.

С этого момента для “консульских связей” был формально разрешен “альбомный порядок” осуждения, что неминуемо должно было сказаться на масштабе арестов.

Бывшие российские военнопленные – солдаты и офицеры российской армии, побывавшие в германском плену во время первой мировой войны. Аресты их начались на Украине сразу же вслед за арестами бывших германских военнопленных. К весне 1938 г. репрессии должны были, по-видимому, развернуться там с еще большим размахом, так что Ежов, приехавший в Киев с инспекцией в феврале 1938 г., вынужден был сдерживать ретивость подчиненных: “Самый факт пребывания в иностранном плену ни в коем случае не является основанием для репрессирования <...>. Мы должны выявлять, учитывать, разрабатывать и репрессировать не всякого военнопленного, а таких, которые содержались либо в специально создававшихся иностранными разведками лагерях для пленных – украинцев, татар и других, и, следовательно, обработанных разведкой; либо таких, которые сохраняют с заграницей связь, что дает основание подозревать в шпионаже; бывших военнопленных, проявляющих себя антисоветски, что может являться результатом его работы по заданиям разведки и т. п.”²⁴. В 1938 г. бывших российских военнопленных стали арестовывать уже во многих регионах: на одном из заводов Перми, по приказу начальника Свердловского УНКВД Дмитриева, в апреле 1938 г. были

одновременно арестованы как “немецкие шпионы” 150 рабочих – бывших военнопленных; 28 февраля 1938 г. начальник Горьковского УНКВД Лаврушин рапортовал Ежову об аресте 441 бывшего военнопленного, которые в свое время были завербованы “для провокаторской и разложенческой работы среди революционно настроенных русских военнопленных”, а перед отъездом в СССР получали “специальные задания диверсионного и повстанческого характера”²⁵. Число таких примеров можно множить.

Бывшие служащие немецких предприятий. В качестве “подозрительных по шпионажу” НКВД уже давно рассматривал как служащих дореволюционных иностранных акционерных обществ, банков, промышленных и коммерческих предприятий, корреспондентов иностранных контор по наведению справок о кредитоспособности, так и служащих иностранных концессий советской эпохи. В первую очередь под подозрением были бывшие служащие немецких фирм. С началом массовых операций эта категория сразу же выдвинулась в центр внимания НКВД как имевшая очевидную (зафиксированную в анкете) связь с Германией. В конце 1937 г. в Центре попытались упорядочить практику арестов бывших служащих иностранных предприятий и стали разрабатывать на этот счет соответствующий приказ, рекомендовавший арестовывать прежде всего бывших директоров и управляющих, а кроме того тех, кто продолжал поддерживать связь с заграницей, кто скопил во время службы капиталы, и т. д. При этом оформление дел и их рассмотрение предписывалось производить в “альбомном порядке”. Однако в конце концов было решено специальную операцию по служащим иностранных фирм не проводить. В течение 1938 г. аресты этой категории носили довольно бессистемный характер, хотя, как представляется, были весьма масштабными.

Впрямую связаны с массовой операцией по немецкой “линии” еще две категории, хотя осуждали их не в “альбомном порядке”.

Жены осужденных по немецкой операции. С октября 1937 г. на семьи осужденных по “альбомным” операциям было распространено действие приказа НКВД 00486 от 15 августа 1937 г., согласно которому жены “врагов народа”, осужденных Военной коллегией или трибуналами, подлежали аресту и осуждению в лагеря на срок до восьми лет, детей же следовало отдавать под опеку родственников или направлять в детские дома. Из-за ограниченных возможностей размещения женщин в и без того переполненных тюрьмах и отсутствия мест в детских домах уже 22 ноября 1937 г. НКВД был вынужден отменить все “расширения” к приказу 00486. К этому моменту в тюрьмах Украины оказалось уже около 4500 жен арестованных по польской, харбинской, немецкой, румынской операциям, в тюрьмах Ленинграда – их было более 600, Горького – около 100 и т.д. Запрет на продолжение арестов жен “националов”, впрочем, не помешал отдельным местным УНКВД по собственной инициативе время от времени предпринимать административные высылки семей осужденных по национальным операциям, в том числе и немецкой. Репрессии же непосредственно по приказу 00486 продолжались до ноября 1938 г. (всего по нему было арестовано более 18 тысяч жен и “изъято” около 25 тысяч детей).

Заклученные, отбывающие срок за шпионаж в пользу Германии. Таковых к осени 1937 г. было немало. Их запрещалось освобождать, вместо этого за два

месяца до конца срока на них следовало представить в НКВД специальный меморандум, на основании которого Особое совещание осуждало их на новый срок. В реальности основную часть заключенных, в делах которых прослеживалась какая-либо связь с Германией, расстреляли – как правило, по приговорам областных/краевых “троек” на основании приказа 00447. Формально “альбомные” операции в лагерях не проводились, однако есть пока еще не проверенные сведения, что в отдельных местах (например, в Сиблаге), по специальной договоренности начальника местного УНКВД с Центром, лагерные “альбомы” составлялись и приговоры по ним приводились в исполнение.

Легко заметить, что все перечисленные категории (как основные, так и дополнительные) объединены одним признаком – действительной или мнимой связью с Германией. В рамках этой логики, “подозреваемыми” становились все жители СССР, которые родились, учились, работали в Германии, бывали там в гостях, в служебных командировках, попадали туда волею судеб (например, находились в плену), поддерживали контакты с германскими родственниками, друзьями или коллегами, общались с германскими гражданами, работавшими в СССР (специалистами, дипломатами), сотрудничали в германских фирмах и т.п. Однако пребывание в данной зоне повышенного риска не влекло за собой неминуемой репрессии. Не была определяющей при решении вопроса об аресте и простая принадлежность к “уязвимой” этнической группе. Наличие обоих признаков (по понятным причинам весьма частое) увеличивало потенциальную опасность для их обладателей, хотя без соблюдения дополнительных условий репрессия реализовывалась далеко не всегда. К числу таких дополнительных, а по существу решающих, условий относятся прежде всего маркированность, с точки зрения НКВД, той сферы, где человек работал, и/или той местности, где он проживал²⁶. Немаловажными “локальными” факторами репрессий было проживание в национальном районе (чистка была важным составным элементом одновременно идущего процесса их ликвидации), на приграничной или режимной территории, а также в укрепленных районах и населенных пунктах, где дислоцировались военные гарнизоны²⁷.

Однако более существенными, как мы полагаем, были “производственные”, институциональные факторы. Национальные операции, в том числе и немецкая, были ориентированы в первую очередь на чистку в сферах государственной жизни, напрямую связанных с обороноспособностью страны, – в военных и военизированных структурах (армия, НКВД и т.п.), в оборонной, машиностроительной, угольной, нефтяной, химической промышленности, в черной и цветной металлургии, на транспорте, в энергетике и некоторых других отраслях²⁸.

Если человек, подпадающий под одну из категорий “подозрительных по шпионажу”, принадлежал к такой отмеченной сфере, это, как правило, влекло за собой его арест. Иногда для ареста достаточно было сочетания маркированной сферы с “неправильной” национальностью. Однако гораздо чаще это сочетание приводило к административной репрессии – увольнению и/или высылке. (Административные преследования по этническому признаку, связанные с

чистками в определенных сферах, по нашему мнению, можно считать составной частью массовых национальных операций.)

Ярким примером механического наложения этнического и институционального факторов являются массовые увольнения “националов” с предприятий оборонной промышленности, предпринятые по решению Политбюро от 23 марта 1938 г. (П59/256): “Признать ненормальным, что на предприятиях, в главных управлениях и в центральном аппарате Наркомата оборонной промышленности работает большое количество немцев, поляков, латышей, эстонцев. Поручить гг. Ежову и Маленкову совместно с тов. Кагановичем Л.М. очистить оборонную промышленность от лиц указанных национальностей”²⁹. То же сочетание факторов дает директива 200ш наркома обороны Ворошилова от 24 июня 1938 г., согласно которой подлежали увольнению из армии военнослужащие всех “национальностей, не входящих в состав Советского Союза” (в том числе и немцы). Характерно, что в первую очередь увольнению подлежали все родившиеся или проживавшие за границей, а также имеющие там родственников³⁰.

Многие уволенные из оборонной промышленности и военных структур представители “инонациональностей” были затем арестованы, но для этого, как правило, опять-таки требовалось наличие дополнительных факторов, категориальных или индивидуальных. К первым относилась, например, переписка с заграницей или то, что человек в прошлом был “перебежчиком”. Ко вторым – наличие конкретных “компрометирующих материалов” (связь с арестованными “врагами народа” и т. п.). Показательно, что дела уволенных по ворошиловской директиве и потом арестованных военнослужащих должны были, по указанию НКВД, рассматриваться в “альбомном порядке” – то есть они даже и формально были введены в рамки национальных операций³¹.

Мы так часто акцентируем внимание на том или ином “порядке осуждения” потому, что этот признак играл весьма существенную роль в структуре репрессий 1937–1938 гг. В одном из возможных ракурсов эта структура предстает как иерархия осуждающих органов.

На вершине здесь, конечно, Военная коллегия Верховного суда СССР. Как известно, списки лиц, представляемых на Военную коллегия, в 1937–1938 гг. визировались Сталиным. Эта виза, предшествовавшая приговору и предопределявшая приговор, позволяла ему в полной мере управлять репрессиями против партийной, государственной и военной элиты. В сравнении с осужденными по массовым операциям это была небольшая группа (несколько десятков тысяч человек), но статусно – самая высокая.

Ту же контролирующую роль в национальных (“альбомных”) операциях призван был играть Ежов – секретарь ЦК и доверенное лицо Сталина. Без личной подписи Ежова (или его первого заместителя Фриновского) здесь не мог быть вынесен ни один приговор. Относительно высокий статус национальных операций был обусловлен, с одной стороны, их стратегической задачей – борьба со шпионажем в оборонной сфере, с другой, мы полагаем, определенными сомнениями относительно целого ряда начальников НКВД–УНКВД (напомним, что центральными персонажами в первой из национальных операций – польской – были именно крупные чекисты).

Наконец, в самом низу этой иерархии находились “тройки”, осуществлявшие по приказу 00447 самые массовые репрессии, направленные прежде всего против традиционного “классового врага”. Здесь персональную ответственность за приговоры несли председатели “троек” – руководители НКВД–УНКВД. Между тем их деятельность также должна была находиться под строгим контролем Москвы: состав “троек” утверждался Политбюро, масштабы арестов и расстрелов строго регламентировались выданными Политбюро (иногда НКВД) лимитами, а качество работы могло быть проверено по протоколам “троек”, которые после исполнения приговоров отсылались в Центр.

Спецколлегии судов, военные трибуналы, а также Особое совещание при НКВД играли в 1937–1938 гг. роль хотя во многих отношениях и важную (это требует отдельного разговора), но в рамках описанной структуры скорее дополнительную, аккомпанирующую. При этом надо помнить, что смертные приговоры, вынесенные судами и трибуналами, поступали в 1937–1938 гг., в соответствии с давно сложившейся практикой, на окончательную визу в Комиссию Политбюро по судебным делам, а председателем ОСО по статусу являлся Ежов. То есть и здесь решения выносились или по крайней мере контролировались на самом верху государственной власти.

Структура массовых репрессий основывалась на жесткой централизованности и не менее жестко регламентированном соотношении “контингентов” и способов осуждения. Этой структуре строго соответствовал и характер приговоров по каждому из направлений репрессий: в 1937–1938 гг. Военная коллегия приговорила к расстрелу по своим делам около 85% осужденных; по “альбомным” операциям доля расстрелянных составляет 73,66%; у “троек” по приказу 00447 – 49,3%. В тот же период спецколлегии судов приговорили к расстрелу около 3,5% от общего числа осужденных. Особое совещание, как известно, права приговаривать к расстрелу тогда не имело.

Ежовская директива от 1 февраля 1938 г., впервые перечислившая полный набор национальных “линий” (к ним через две недели была добавлена последняя – афганская), резко активизировала национальные операции по всей стране. Одновременно, несмотря на непрекращающиеся требования местных начальников НКВД–УНКВД об увеличении лимитов и продлении срока работы “троек”, сворачивается операция по приказу 00447. Ее задачи считались, по видимому, в основном выполненными³². С весны 1938 г. операции по национальным “линиям” становятся основным направлением в массовых репрессиях.

Санкции Ежова на упрощенное ведение следствия и “альбомный порядок” осуждения продлевались месяц за месяцем, вплоть до 1 августа 1938 г. Значительный рост числа арестов произошел в марте–апреле. Но почти сразу же интенсивность их начала сдерживаться фактором чисто “технологического” свойства – переполненностью тюрем.

Влияние этого фактора на характер репрессий становится ощутимым уже с зимы 1937 г., когда стало очевидно, что лагерные структуры развиваются намного медленнее, чем предполагалось, и не в состоянии оперативно впитывать сотни тысяч людей, осужденных в процессе “большого террора” (к тому же их оказалось много больше, чем планировалось в июле–августе

1937 г.)³³. Следствием этого явился ряд решений, связанных с лагерной системой, – как экономических, так и административных. Другим следствием стало ужесточение приговоров по всем направлениям репрессий. Доля приговоренных к расстрелу постоянно возрастала. Так, например, если по первоначальным лимитам августа 1937 г. приказывалось приговорить к расстрелу примерно четвертую часть осужденных, то в общем итоге операции по приказу 00447 эта доля выросла почти вдвое.

Весной 1938 г. обозначилось еще одно обстоятельство, обусловившее переполненность тюрем. Оно было спровоцировано новой стадией развития национальных операций. Оказалось, что Центр не в состоянии справиться с “обработкой” постоянно увеличивающегося потока “альбомов” с мест. Одних только “альбомов”, присланных с Украины, в Москве постепенно скопилось почти на 25 тысяч человек, и с февраля по сентябрь 1938 г. ни один из них не был рассмотрен. Подобная ситуация сложилась также с “альбомами” из Ленинграда, Свердловска, Челябинска, Белоруссии, Казахстана, других республик и областей. В результате в тюрьмах к заключенным, уже осужденным “по 2-й категории” (в основном по приказу 00447) и по несколько месяцев дожидавшихся отправки в лагерь, прибавились многие десятки тысяч новых арестованных по национальным операциям, приговоры которым не были вынесены Москвой. Свидетельства катастрофической переполненности тюрем именно весной–летом 1938 г. находим не только в официальной ведомственной переписке, но и в многочисленных мемуарах бывших заключенных.

Переполненность тюрем, с одной стороны, препятствовала расширению масштаба новых арестов, с другой – требовала структурных перемен как в организации мест заключения, так и, в первую очередь, в порядке осуждения арестованных по национальным “линиям”. Все это создавало предпосылки для возможного кризиса в управлении репрессиями. Полагаем, что угроза такого кризиса сыграла определенную, хотя, конечно, далеко не первостепенную роль в принятии Сталиным решения о прекращении массовых операций (более важными были причины политического и тактического свойства).

С августа 1938 г. было запрещено оформлять дела “в альбомном порядке”. (Исключение было сделано для Белоруссии, но только на один дополнительный месяц.) В Москве между тем продолжали рассматривать “альбомы”, присланные в течение последнего года с мест, и отсылать их назад для исполнения приговоров. Принципиально эти усилия картины не меняли, и к сентябрю 1938 г. в Центральном аппарате НКВД СССР оставалось нерассмотренных альбомов по национальным “линиям” на 126 тысяч человек.

Согласно постановлению Политбюро от 15 сентября 1938 г. (П64/22) и изданному спустя два дня приказу НКВД 00606, в каждой области/крае/республике были созданы “особые тройки” со специальной задачей рассмотрения “оставшихся нерассмотренных следственных дел на арестованных по к.р. национальным контингентам”³⁴. В “особые тройки” входили начальник УНКВД, первый секретарь обкома ВКП(б) и областной прокурор. Рассматривать дела они должны были только на тех, кто в рамках национальных операций был арестован до 1 августа 1938 г. Срок их работы определялся в два месяца. В отличие от эпохи “альбомных” операций, “особым

тройкам” было запрещено рассматривать дела на иностранцев и в то же время разрешено выносить решения об освобождении обвиняемых – примечательные черты, свидетельствующие о близости окончания массовых репрессий.

Немедленно следом за приказом 00606 на места были разосланы все альбомы. За два неполных месяца работы “особые тройки” рассмотрели по всем национальным “линиям” дела почти на 108 тысяч человек: 137 человек освободили, дела на 2711 вернули на доследование или передали в судебные органы, 105 032 человека – осудили, в том числе 72 254 (68,79%) приговорили к расстрелу.

17 ноября 1938 г. все “массовые операции” были завершены (решения Политбюро П65/110 и П65/116 от 16.11.1938 и 17.11.1938, Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) СНК СССР от 17.11.1938, приказ НКВД СССР 00762 от 26.11.1938), деятельность созданных в 1937–1938 гг. “троек”, “особых троек”, а также Комиссии НКВД и Прокурора СССР (“альбомный порядок”) официально прекращена. Решения по всем следственным делам отныне, как и до августа 1937 г., должны были выноситься или судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР.

4.

Цифровые итоги немецкой операции представлены в таблицах 1 и 2³⁵. Для их понимания необходимо сделать несколько предварительных пояснений.

Во-первых, они касаются **осужденных**, а не **арестованных**. Арестовано по немецкой “линии” было, конечно, больше людей (по нашим данным, примерно 65–68 тысяч), но часть из них до ноября 1938 г. осудить не успели, а часть была осуждена по другим направлениям репрессий.

Во-вторых, в таблицах содержатся сведения об осужденных только в “альбомном порядке” и “особыми тройками”. Итоговыми цифровыми сведениями об осужденных непосредственно по приказу 00439 Военной коллегией или Особым совещанием мы не располагаем (исключение – представленные выше разрозненные сведения об осуждениях германских граждан).

В-третьих, в таблице отсутствуют данные по некоторым регионам. Например, мы знаем, что к лету 1938 г. в Куйбышевской области по немецкой “линии” было арестовано около 250 человек, но данных по их осуждению нет. Возможно, они были осуждены каким-то иным образом, возможен и случайный пропуск в источниках, которыми мы пользовались.

Таблица 2. Приказ НКВД 00439 (“немецкая операция”).

Число осужденных по СССР в “альбомном порядке” с начала операции по 15 сентября 1938 г. и Особыми тройками с 15 сентября по 15 ноября 1938 г. Разбивка по органам НКВД и мерам наказания.

	Всего осуждено	к ВМН			к прочим мерам наказания		
		в “альбомном порядке”	Особыми тройками	всего	в “альбомном порядке”	Особыми тройками	всего
НКВД							
Азербайджанской ССР	146	10	60	70	31	45	76
Армянской ССР	47	-	34	34	-	13	13

БССР	355	148	95	243	22	90	112
Грузинской ССР	152	13	24	37	70	45	115
Казахской ССР	1471	299	1111	1410	6	55	61
Киргизской ССР	255	38	120	158	8	89	97
Таджикской ССР	12	1	3	4	-	8	8
Туркменской ССР	85	23	40	63	4	18	22
Узбекской ССР	284	-	114	114	-	170	170
УССР	21229	10706	7299	18005	1651	1573	3224
Башкирской АССР	386	133	149	282	43	61	104
Бурят-Монгольской АССР	10	-	7	7	-	3	3
Кабардино-Балкарской АССР	85	-	73	73	-	12	12
Калмыцкой АССР	13	-	6	6	-	7	7
Карельской АССР	8	-	8	8	-	-	-
Коми АССР	8	-	7	7	-	1	1
Крымской АССР	1625	332	1059	1391	131	103	234
Марийской АССР	92	-	68	68	-	24	24
Мордовской АССР	138	83	31	114	9	15	24
Немцев Поволжья АССР	1002	512	55	567	376	59	435
Северо-Осетинской АССР	82	-	51	51	-	31	31
Татарской АССР	98	23	37	60	33	5	38
Удмуртской АССР	3	-	2	2	-	1	1
Чечено-Ингушской АССР	38	-	32	32	-	6	6
Чувашской АССР	19	-	9	9	-	10	10
Якутской АССР	1	-	1	1	-	-	-
УНКВД							
Алтайского края	3171	1760	652	2412	373	386	759
ДВК	41		30	30		11	11
Краснодарского края	2895	1849	935	2784	81	30	111
Красноярского края	658	270	276	546	91	21	112
Орджоникидзевского края	547	100	141	241	24	282	306
Архангельской обл.	261	-	153	153		108	108
Вологодской обл.	147	10	67	77	3	67	70
Воронежской обл.	130	9	71	80	3	47	50
Горьковской обл.	608	154	80	234	172	202	374
Ивановской обл.	137	112	-	112	25	-	25
Иркутской обл.	149	134	-	134	15	-	15
Калининской обл.	8	8	-	8	-	-	-
Кировской обл.	60	11	37	48	1	11	12
Куйбышевской обл.	0	-	-	0	-	-	-
Курской обл.	98	-	71	71	-	27	27
Ленинградской обл.	2919	2014	522	2536	155	228	383
Московской обл.	1220	841	22	863	316	41	357
Мурманской обл.	29	-	28	28	-	1	1
Новосибирской обл.	2645	1556	992	2548	46	51	97

Омской обл.	539	-	128	128	-	411	411
Оренбургской обл.	193	54	133	187	5	1	6
Орловской обл.	136	-	54	54	-	82	82
Ростовской обл.	666	250	89	339	248	79	327
Рязанской обл.	37	6	18	24	3	10	13
Саратовской обл.	394	29	172	201	29	164	193
Свердловской обл.	4379	1251	216	1467	557	2355	2912
Смоленской обл.	242	-	76	76	-	166	166
Сталинградской обл.	1271	624	395	1019	194	58	252
Тамбовской обл.	85	42	23	65	7	13	20
Тульской обл.	171	46	-	46	125	-	125
Челябинской обл.	1626	419	1015	1434	21	171	192
Читинской обл.	94	-	86	86	-	8	8
Ярославской обл.	117	72	11	83	26	8	34
ДТО ГУГБ НКВД	1688	968	-	968	720	-	720
в том числе:							
6-й отдел ГУГБ	5	3			2		
ж. д. им. Ворошилова	65	48			17		
Горьковской ж. д.	11	9			2		
ж. д. им. Дзержинского	34	29			5		
Закавказской ж. д.	19	7			12		
Западной ж. д.	2	2					
ж. д. им. Кагановича	37	20			17		
Калининской ж. д.	4				4		
Кировской ж. д.	20	15			5		
Куйбышевской ж. д.	14	5			9		
ж. д. им. Молотова	4	4					
М.-Донбасской ж. д.	9	6			3		
Одесской ж. д.	32	18			14		
Октябрьской ж. д.	57	49			8		
Омской ж. д.	41	15			26		
Орджоникидзевской ж. д.	252	36			216		
Оренбургской ж. д.	13	12			1		
Северной ж. д.	14	10			4		
Северо-Донецкой ж. д.	161	152			9		
ж. д. им. Сталина	643	354			289		
Ташкентской ж. д.	8	3			5		
Томской ж. д.	56	54			2		
Туркестано-Сибирской ж. д.	3	3					

Юго-Восточной ж. д.	5	5					
Юго-Западной ж. д.	130	81			49		
Южной ж. д.	36	16			20		
Южно-Уральской ж. д.	13	12			1		
ИТОГО по СССР:	55005	24910	16988	41898	5624	7483	13107

Некоторые цифровые данные, приведенные в таблицах, на наш взгляд, нуждаются в комментарии.

В таблице 2 сразу же бросается в глаза сравнительно небольшое число осужденных в автономной республике Немцев Поволжья (АССР НП), оно выглядит неубедительным и явным образом контрастирует с числом осужденных по немецкой “линии” в целом ряде регионов, где немецкого населения было во много раз меньше. Однако этот факт вполне сообразуется со сталинско-ежовской логикой 1937–1938 гг.: АССР НП – зафиксированное Конституцией СССР образование, поэтому немцы, постоянно живущие там, в отличие от немцев во всех других местах их компактного проживания, – “свои”, принадлежащие к “советской”, а не “иностранной” национальности. Такое представление удерживалось еще некоторое время и после эпохи массовых репрессий. Так, например, в 1939 г., по сентябрьской директиве наркома обороны и изданным в ее обеспечение указаниям НКВД, к призыву в армию или не допускались вовсе или допускались ограниченно молодые люди, принадлежащие к “инонациональностям”. В списке “инонациональностей” рядом с японцами, поляками, финнами, латышами и проч. были названы и немцы. Однако делалась специальная оговорка, что немцев, уроженцев АССР НП, ограничения при призыве не касаются. Согласно такой логике, в количественном отношении репрессии 1937–1938 гг. в АССР НП по немецкой “линии” не должны были быть особенно масштабными. Скорее наоборот. Между тем специфика ситуации заключалась в том, что именно традиционных “контингентов” национальных операций здесь было очень много: политэмигранты, иностранные специалисты, бывшие служащие немецких фирм, бывшие военнопленные, реэмигранты, поддерживающие или поддерживавшие ранее контакты с немецкими консульствами в СССР, и т.д. Выход, как нам кажется, нашли в том, что значительная часть арестованных по этим признакам была осуждена не в “альбомном порядке”, как это предписывалось оперативными приказами по национальным операциям, а “в порядке приказа 00447». По нашим сведениям, превысив более чем на тысячу человек выделенные Центром лимиты, ”тройка» НКВД по АССР НП осудила 3027 человек к расстрелу и 2603 – к заключению в лагеря. Итоги массовых операций августа 1937 г.–ноября 1938 г. по АССР НП складываются, таким образом, из двух цифр – 5630 человек, осужденных “тройкой” по “кулацкой” операции, и 1068 человек, осужденных в “альбомном порядке” и “особой тройкой” по национальным “линиям” (кроме немецкой, польской и харбинской). Расстреляны из этих 6698 человек были 3632 (54,2 %). Чтобы назвать полные цифры осужденных в АССР НП в эпоху “большого террора”, мы должны были бы прибавить еще немалое число осужденных судебными органами (военными трибуналами и судами, в первую очередь спецколлегией Верховного суда АССР

НП) и Особым совещанием при НКВД. Но и без этих данных, которые нам известны лишь отрывочно, очевидно, что репрессии в АССР НП были более массированными, чем в среднем по СССР. Если в целом по СССР за 1937–1938 гг. было осуждено несколько менее 1% населения (без учета депортаций, высылков и других административных репрессий), то в АССР НП процент осужденных примерно в полтора раза выше. Поэтому относительно низкие цифры осуждений по АССР НП в таблице 2 не должны вводить нас в заблуждение – они были с лихвой “компенсированы” масштабами репрессий по другим направлениям³⁶.

К сожалению, серьезное изучение статистики репрессий 1937–1938 гг. по АССР НП затруднено тем обстоятельством, что республиканский НКВД находился в тот период в оперативном подчинении УНКВД по Саратовской области и цифровые сводки об арестованных и осужденных (за исключением осуждений по массовым операциям) были общими, то есть в Центр подавались от имени УНКВД по Саратовской области. Вычленив из них цифры по АССР НП не представляется возможным³⁷.

Если в АССР НП масштаб репрессий по немецкой “линии” может быть хотя бы частично объяснен причинами идеологического порядка, то во всех остальных регионах, как нам кажется, он определялся другими факторами.

Легко было бы предположить, что масштаб репрессий зависел от численности немецкого населения в регионе. Однако это неверно. Сопоставление данных переписей 1937 и 1939 гг. с данными таблицы 2 приводит к убеждению, что прямой зависимости тут не было. В одних регионах число репрессированных по немецкой “линии” составляло 0,3–0,5% от численности немцев (Калмыцкая АССР, Коми АССР), в других – 1–2% (Казахстан, Киргизия, Оренбургская область, Орджоникидзевский край, Омская область), в третьих – 8–10% (Краснодарский край, Алтайский край), есть регионы, где этот процент в несколько раз (!) выше (например, Свердловская область).

Полагаем, что в полном соответствии со смыслом национальных операций основными факторами, определявшими масштабы репрессий по немецкой “линии”, были, во-первых, наличие в регионе предприятий оборонных отраслей и, во-вторых, наличие в региональной административно-территориальной структуре немецких национальных районов. При этом наиболее массовыми репрессии были там, где имели место одновременно оба эти фактора. Численность немецкого населения также оказывала влияние, но не сама по себе, а лишь в сочетании с этими факторами. Например, если в регионе немецкого населения было относительно много, но оно в подавляющей части было сельским и не имело своих административно-территориальных образований, то и немецкая операция там проходила довольно вяло. Если же значительный процент немцев проживал в промышленных городах региона, то это неминуемо активизировало немецкую “линию” репрессий. То же происходило, если в регионе были немецкие районы³⁸.

Изложенные соображения, как нам кажется, дают некоторую основу для понимания многих из представленных в таблице 2 цифр. Но одновременно надо учитывать и так называемый субъективный фактор. Несмотря на жесткую прописанность в многочисленных ежовских директивах направлений

репрессий, контингентов, норм, процедур и т. д., в реальности очень многое зависело от руководителей УНКВД на местах, от их интерпретаций этих директив, от установок, которые они давали своим подчиненным. Их личные пристрастия, например, во многом определяли, на какую из национальных “линий” (при прочих равных обстоятельствах) делать акцент, на какие дополнительные контингенты, соответственно духу того или иного приказа, ее “расширять” и т. д.

На характер и масштаб репрессий в регионах влияли и личные амбиции начальников УНКВД (стремление делать карьеру или, наоборот, не выделяться из общей массы), их осторожность (многие старались не выходить за рамки предписанного Центром) или “инициативность”, наконец, такое свойство, как личная жестокость. Последнее отражалось не только в жестокости следствия (степень ее была разной в разных регионах), но и на характере приговоров. В таблице 2 приведено число расстрелянных по регионам. Напомним, что хотя окончательные приговоры по “альбомам” выносились в Москве, но московские коррективы были обычно столь незначительными, что приговоры по сути вполне можно считать вынесенными на местах, то есть фактически местным начальником УНКВД. По всем национальным “линиям” было осуждено за весь период национальных операций 335 513 человек, из них к расстрелу 73,66%. Средний процент расстрелянных по немецкой “линии” выше – 76,17%. Но если мы посмотрим на данные по регионам, то увидим, что в одних местах расстреливали 30–40% осужденных, в других процент значительно выше, а в Краснодарском крае, Новосибирской и Оренбургской областях он составляет, соответственно, 96,1%, 96,3% и 96,8%. В этих же регионах – наивысшие проценты расстрелов и по другим “линиям”. Зная, что никаких специальных инструкций в регионы на этот счет не поступало (в отличие от “кулацкой” операции, где все проценты были предрешены спущенными из Москвы лимитами), невозможно объяснить эти ошеломляющие цифры чем-либо, кроме личной жестокости начальников УНКВД.

Личностными свойствами объясняются иногда и масштабы арестов по некоторым направлениям репрессий. В Свердловской области, например, было сравнительно немного традиционных “контингентов” для национальных операций. Поэтому по приказу начальника УНКВД Д.М.Дмитриева, стремившегося упрочить свой статус при Ежове, были произведены массовые аресты трудпоселенцев, в подавляющем большинстве русских и украинцев, ни с какой заграницей никогда не связанных. Несмотря на это, дела на них были оформлены в “альбомном порядке” по польской, немецкой, харбинской и латышской “линиям”. Всех их, конечно, осудили бы, если б Дмитриев не затеял интригу против Фриновского, первого заместителя Ежова. В результате Дмитриев проиграл, был обвинен в фальсификациях, а вскоре и в нарушениях “соцзаконности” и затем арестован. Таким образом, высокие цифры немецкой “линии” по Свердловской области объясняются в значительной степени специальной активностью начальника УНКВД. С другой стороны, его падением объясняется и сравнительно низкий процент приговоренных к расстрелу по национальным операциям в Свердловской области – к подготовленным в дмитриевскую эпоху “альбомным” справкам стали относиться критически.

Сколько же немцев стали жертвами операции по немецкой национальной “линии”? К сожалению, ответить на этот вопрос можно только приблизительно. Точными данными мы располагаем лишь в отношении осужденных “особыми тройками” в сентябре–ноябре 1938 г. Из 105 032 человек, осужденных по всем “линиям” “особыми тройками”, немцев было 17 150. Подавляющую их часть (95,1%) осудили по немецкой “линии”. Кроме того, немцев осуждали по польской (490 человек), харбинской (81), латышской (76), эстонской (51) и другим “линиям”.

Внутри же немецкой “линии” – иная ситуация. Всего по ней было осуждено “особыми тройками” 24 471 человек, из них немцев 66,67% (16 316), русских 14,64% (3585), украинцев 7,24% (1774), поляков 2,04% (500), евреев 1,45% (356), белорусов 0,94% (232), венгров 0,79% (194), латышей 0,77% (189), эстонцев 0,68% (168), австрийцев 0,47% (116), чехов 0,41% (102). По немецкой “линии” осудили представителей 35 национальностей – литовцев, татар, болгар, узбеков и т.д.

Однако данные “особых троек” нельзя механически экстраполировать на общие итоговые цифры немецкой национальной операции. У нас есть основания полагать, что на первом – “альбомном” – этапе операции доля немцев в немецкой “линии” была большей – примерно 70–72%. Из 30 534 человек, осужденных по “немецким” альбомам, немцев было, мы считаем, 21,4–22 тысячи. Итого, среди 55 005 человек, осужденных по немецкой национальной операции, немцев было 37,7–38,3 тысяч. По другим национальным “линиям” немцев было осуждено, по-видимому, 2–2,5 тысячи человек.

Основываясь на весьма разноречивых данных из статистических отчетов и ведомственной переписки, рискнем предположить, что всего за 1937–1938 гг. было осуждено 69–73 тысячи немцев, из них примерно 40–41 тысяча по национальным операциям, 20–22 тысячи “тройками” по “кулацкой” операции, остальные – Особым совещанием при НКВД и судебными органами. В число “остальных” входили, в частности, и осужденные по приказу 00439.

* * *

В своей статье мы попытались описать лишь основные установки немецкой операции НКВД 1937–1938 гг.³⁹ Мы не коснулись вовсе истории ее реализации в отдельных регионах, ее связи с предшествующими репрессиями против немецкого населения, лишь мельком затронули проблему соотношения между немецкой операцией и другими видами массовых репрессий 1937–1938 гг. Многие по всем этим направлениям уже сделано современными исследователями (Л.П. Белковец, В.И. Брулем, А.А. Германом, В.В. Ченцовым и другими), многое еще предстоит изучить.

Мы отчетливо сознаем, что наше представление о механизмах национальных операций выглядит несколько схематично. Действительно, многие источники, восходящие к личной памяти (от воспоминаний жертв террора, написанных в последние десятилетия, до показаний энкавэдэшников-ежовцев на допросах 1939–1940 гг.), рисуют картину репрессий тотальных, и – одновременно – бессистемных. Нам кажется, что дело обстояло несколько иначе. Безусловно, массовые репрессии 1937–1938 гг. были не только беспрецедентно масштабными, но и беспрецедентно жестокими. Однако в них были своя логика,

своя структура и свои правила, которые, несмотря на множественные нарушения, обеспечивали довольно высокую степень управляемости репрессивным процессом. Только приняв эту предпосылку, можно рассчитывать на корректную реконструкцию истории “большого террора”.

Примечания:

¹ Настоящая работа выполнена в рамках программы “История политических репрессий 1930-х гг.”, осуществляемой Научно-информационным и просветительским центром “Мемориал”. За поддержку программы в разные годы пользуемся случаем поблагодарить Институт социальных исследований в Гамбурге, Фонд им. Генриха Белля (ФРГ), Фонд Дж.Фельтринелли (Милан). Большую помощь в нашей работе оказали руководители и сотрудники Центрального архива Федеральной службы безопасности, где мы имели возможность работать в 1992–1995 гг. (выражаем нашу признательность В.К.Виноградову, А.Я.Николаеву, Ю.А.Разбоеву), а также других государственных и ведомственных хранилищ – Архива Президента РФ, Российского Государственного архива документов по новейшей истории, Государственного архива РФ. Мы особенно признательны Н.В.Петрову за ценные замечания, высказанные при подготовке настоящей статьи. Также благодарим за помощь и советы наших коллег: Владимира Гривенко, Елену Жемкову, Рейнхарда Мюллера, Ирину Щербакову.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254а. Л. 82. Слова “*на электростанциях и строительствах*” вписаны над строкой.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254а. Л. 51–53; оформленную выписку из протокола П51/324 от 20 июля 1937 г., направленную Тов. Ежову, см. там же: Д. 254. Л. 79.

⁴ Приказ неоднократно публиковался в последние годы. См., напр.: Бутовский полигон, 1937–1938 гг. М., 1997. С. 348. Там же опубликованы тексты приказов НКВД 00447, 00485, 00593 (С. 349–356).

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 101. Л.188–189. Из 340 человек 238 были арестованы в первые два дня операции. (Там же. Л. 16).

⁶ Там же. Д. 104. Л. 61–62.

⁷ О роли польской “линии” в развитии национальных операций подробнее см.: Петров Н.В., Рогинский А.Б. “Польская операция” НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / Исторические сборники “Мемориала”. Вып. 1. М., 1997. С. 22–43.

⁸ ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1т. Д. 26. Л. 301.

⁹ Там же. Л. 300. Под “другими” имелись в виду, например, бывшие военнопленные. Однако надо понимать, что практически никакие указания по учетам в 1937–1938 гг. на местах не выполнялись (в отличие от 1935–1936 гг.), несмотря на бесконечные напоминания и требования Центра. На эту работу в эпоху массовых операций у местных органов НКВД не хватало времени. Как показал ход немецкой операции, не были выполнены и требования по учету директивного письма 26.

¹⁰ Там же.

¹¹ Возможно, впрочем, что соответствующие иницирующие директивы, если они были изначально адресованы только в определенный регион, до нас не

дошли – распоряжения, например, в Ленинградское УНКВД передавались по прямому проводу или фельдсвязью и основной корпус этих документов пока не обнаружен; имеются существенные лакуны и в переписке Центра с НКВД Украины.

¹² О репрессиях против немцев на Украине см. обширное исследование В.В.Ченцова, содержащее богатейший фактический материал: Ченцов В.В. Трагические судьбы: Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е–1930-е гг. М., 1998. Там же см. подробную библиографию вопроса.

¹³ П46/119 от 13.03.1937 // АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 250. Л. 98. Письмо Ежова в ЦК от 15.02, инициированное донесениями начальника УНКВД Западно-Сибирского края Миронова, см.: Там же. Л.99–101.

¹⁴ ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1т. Д. 26. Л. 300.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 413. Л. 139.

¹⁶ Там же. Д. 391. Л. 55. Приказ 00698 не был полностью отменен даже после окончания массовых репрессий. Ср. в приказе 00762 от 26 ноября 1938 г.: “В отношении советских граждан, посещающих иностранные посольства и консульства, практиковать задержание и выяснение личности задержанных. Задержание не должно длиться больше 48 часов, в течение которых при наличии компрометирующих материалов необходимо оформлять арест задержанных, с точным соблюдением соответствующих статей УПК, или освобождать их, если нет необходимых оснований для ареста” (См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 1. Кн. 1. М., 1995. С. 18). Этот порядок, с некоторыми модификациями, просуществовал по крайней мере два десятилетия.

¹⁷ Об истории закрытия консульства в Новосибирске см., напр.: Белковец Л.П., Белковец С.В. Консульские отношения Германии и Сибири в 1920–1930-е гг. // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Вып. 1. Новосибирск, 1999. С. 77–79; Белковец Л.П. “Большой террор” и судьбы немецкой деревни в Сибири. М., 1995 (глава “Германское консульство в сетях ОГПУ–НКВД”).

¹⁸ В разных контекстах политэмигранты, не перешедшие формально в советское гражданство, могли выступать то как “иноподданные”, то как советские граждане, то как “лица вне подданства”. На это влияли как действительная неопределенность статуса того или иного лица, так и различные ведомственные или политические соображения. Ср. мнение А.М.Бирюкова, изучавшего лагерные следственные дела политэмигрантов: “Репрессивные органы прежних лет, видимо, вполне сознательно, подчиняясь какой-то неизвестной нам директиве, фальсифицировали едва ли не стопроцентно сведения о гражданстве (или подданстве) иностранцев, и в картотеке <...> едва ли не все они <...> значатся гражданами СССР, хотя в архивно-следственных делах каждого из них есть убедительные свидетельства, что гражданами СССР они не были” (За нами придут корабли. Магадан, 1999. С. 40). О массовых арестах политэмигрантов в 1937–1938 гг. см.: О.Дель. От иллюзий к трагедии: Немецкие эмигранты в СССР в 30-е гг. М., 1997. Там же содержится ряд ценных наблюдений о сложном статусе политэмигрантов.

¹⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 333. Л.182.

²⁰ Ср. в кн.: Schafranek H. Zwischen NKWD und Gestapo : Die Auslieferung deutscher und österreichischer Antifaschisten aus der Sowjetunion an Nazideutschland, 1937–1941. Frankfurt a. Main, 1990. S. 11, 18, 20; Л.П. Белковец и С.В. Белковец пишут о 575 высланных немцах в период с ноября 1937 г. по июль 1938 г. По их данным, следующие высылки произошли не раньше лета 1939 г. (Указ. соч. С.76).

²¹ РГАДНИ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 4. Л. 19. Решение Политбюро П57/49 см.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 52.

²² Архив УВД по Харьковской обл. Ф. 48. Оп. 1. Приказы по УНКВД. Т. 5. Л. 119–120. Цит. по копии из архива Харьковского общества “Мемориал” (за предоставление копии благодарим Г.Коротаеву).

²³ РГАДНИ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 4. Л. 19.

²⁴ Из выступления Ежова на встрече с руководящим составом НКВД УССР в феврале 1938 г. Цит. по копии, предоставленной Киевским обществом “Мемориал”.

²⁵ См.: ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 40. Л. 356–357. Докладную записку Лаврушина Ежов переслал для ознакомления Сталину и Молотову.

²⁶ Не последнюю роль играло и “чуждое” социальное происхождение, апелляцией к которому местные УНКВД любили подкреплять перед московским начальством обоснованность тех или иных (могущих показаться сомнительными) арестов по национальным “линиям”.

²⁷ Очевидно, что в таких локальных характеристиках, как “национальный район”, “пограничная полоса”, “укрепленный район”, “режимный город” и т. п., “институциональная” составляющая выражена значительно сильнее собственно территориальной, “географической”. Поэтому разграничение локального и институционального факторов репрессий в достаточной мере условно. Характерно, что в ряде документов НКВД локальные и институциональные структуры перечисляются в одном ряду, например: “добиться исчерпывающей очистки <...> оборонной промышленности, оборонных цехов, транспорта, территорий укрепленных районов и пограничной полосы” (шифротелеграмма Ежова во все НКВД–УНКВД о продлении массовых национальных операций 1160 от 28.05.1938 // РГАДНИ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 4. Л. 33).

²⁸ Эти отрасли назывались (подробным перечнем или в обобщенном виде) во многих приказах и циркулярах. Издавались также специальные указания и ориентировки, требовавшие активизации чисток в отдельных отраслях – например, в угольной промышленности, электрической промышленности, на водонапорных станциях.

²⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254а. Л. 199. Ср. решение Политбюро о чистке военных заводов Тульской области П60/91 от 10 апреля 1938 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 255. Л. 21). Аналогичные чистки прошли также в шифровальных и секретных отделах НКВД–УНКВД (рубеж 1937–1938 гг.) и на железнодорожном транспорте (в течение 1938 г.).

³⁰ Предстоит еще изучить, как реализовывались на практике все эти указания об увольнении по национальному признаку. Известно, например, что в промышленности они проходили не слишком энергично, так как сдерживались

фактором “производственной целесообразности”. В армии, наоборот, увольнения были произведены в кратчайшие сроки. Вскоре после издания директивы 200ш (по очень неполным сведениям: без данных по Киевскому и Забайкальскому округам, по Тихоокеанскому флоту и Дальневосточной флотилии) особыми отделами было выявлено около 13 тысяч подлежащих увольнению “националов”, четыре тысячи из них уволено, две тысячи из числа уволенных арестовано. Ср. данные замнаркома обороны Е.А.Щаденко (1940 г.), сведенные О.Ф.Сувенировым: всего по директиве 200ш было уволено 4138 человек комначполитсостава, из них позднее восстановлено в армии 1919, осталось уволенными 2219 (Сувениров О.Ф. Трагедия РККА, 1937–1938. М., 1998. С. 311).

³¹ Впрочем, вскоре для командиров этот порядок был изменен, и их стали осуждать в трибуналах.

³² К 1 февраля 1938 г. по приказу 00447 было осуждено уже около 600 тысяч человек. Крупные дополнительные лимиты после этого были даны только для Украины (17.02 – 30 тыс.) и ДВК (31.07 – 20 тыс.).

³³ О ситуации 1937–1938 гг. в лагерной системе см.: Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В. Система мест заключения в СССР, 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М., 1998. С. 40–45.

³⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 195.

³⁵ Настоящие таблицы составлены О.А.Горлановым на основании статистических сводок НКВД СССР и представляют собой краткий вариант таблиц, которые готовятся к изданию НИПЦ “Мемориал” (в сборнике, посвященном статистике репрессий). Все остальные цифровые данные, приведенные в нашей статье, также основываются (кроме особо оговоренных случаев) на первичных и сводных статистических материалах НКВД (ЦА ФСБ, ГА РФ). В таблице 1 сведения даны нарастающим итогом. В таблице 2 недостает сведений об осужденных “особыми тройками” в нескольких регионах – отчеты оттуда пока не обнаружены. Некоторые данные, кроме того, нуждаются в дополнительной проверке, например, цифры осужденных “особыми тройками” по Дальневосточному краю (ДВК).

³⁶ Материалы о репрессиях 1937–1938 гг. в АССР НП, в частности, см. в работах А.А.Германа. Напр.: Герман А.А. История Республики Немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 110–122, 223–229.

³⁷ Ситуация осложняется тем, что немалая часть групповых дел была общей для обоих регионов. Например, дело о “военно-фашистском заговоре” в немецких частях 53-й стрелковой дивизии им. Фр. Энгельса, дислоцировавшихся в АССР НП, и на Центральном военно-химическом полигоне РККА в Вольске. Арестовано по делу было около 300 человек, из них половина – по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Но только по материалам местных архивов можно будет установить, по какому из двух регионов числило НКВД этих арестованных.

³⁸ О репрессиях против немецких крестьян в Сибири см. подробную монографию Л.П.Белковец, основанную на материалах архива УФСБ

Новосибирской обл. (Указ. соч.). См. также исследование: Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 1. Топчиха, 1995.

³⁹ Некоторые общие аспекты в развитии национальных операций были ранее исследованы в работе Н.В.Петрова и А.Б.Рогинского (Указ. соч.); здесь же указан ряд источников, актуальных и для понимания “немецкой” операции.